

ЧЕРЕМШАНСКИЕ ЗОРИ

ТВОРЧЕСТВО АВТОСТРОИТЕЛЕЙ

* * *

к 10-летию ГАЗЕТЫ

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этом выпуске приложения к газете собраны лучшие рассказы, стихи, миниатюры автостроителей. В представленных произведениях — стремление авторов как можно ярче, правдивее и живее отобразить действительность, героику будней димитровградских автостроителей.

Любовь к Родине, к партии, к избранной профессии объединяет авторов этого литературного выпуска.

Хочется пожелать, чтобы не гасли Черемшанские зори, чтобы оттачивалось и совершенствовалось литературное мастерство рабочих корреспондентов газеты.

Редакция газеты «Автостроитель»
Димитровградского автоагрегатного
завода имени 50-летия СССР

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. Ф. САФРОНОВА (редактор),
Я. К. РОГАЧЕВ, В. Н. ТОМБАСОВ,
В. И. ГУНЕРЛАХ.

Евгений ЛАРИН

ГАЗЕТА

1.

Газета —
Не просто четыре страницы.
Четыре страницы—четыре бойца.
Четыре страницы—четыре
жар-птицы,
Взлетающих светом в людские
сердца.

Недаром над нею колдуют
ночами
Наборщик, рабкор, журналист
и поэт.
Недаром на ней,
Начиненной лучами,
Редактор выводит размашисто:
«В свет».
Газета.
Нет, это не просто газета.
И если стоит на пути ее враг,
Она для врага и снаряд,
и ракета.

Пока не прикончит,
Не кончит атак.
И денно, и нощно
Она в наступленьи.
Готова сражаться она до конца.
Газета идет
Из сраженья в сраженье
За правду,
За души,
Умы и сердца.
Творит на земле она
Доброе дело.
Идет, оставляя
Невидимый след.
О, сколько сердец
От газет подобрело!
О, сколько прозрело
Людей от газет!
Газета...
Наверно, недаром в народе
С любовью о ней
Говорят издавна:
Газета приходит,
Как солнышко всходит—
И сразу два солнышка
Бьют из окна.

2.

Сияют в витринах
Газеты страницы.
Сияют,
Горя от огня своего.
И в каждой странице
Искрится частица
Души журналиста
И сердца его.
В газете газетчик—
Не просто газетчик.
Не просто холодно-бездушный
писец.
Газетчик—советчик,
Газетчик—разведчик,
Газетчик—
С пером раскаленным боец
Его называют у нас
Журналистом,
И хочет народ от него
Одного:
Чтобы был он
Правдистым,
Ершистым,
Речистым
И чистым —
И это важнее всего.
Чтоб шел он за Правду
Ретиво и рьяно,
Вовек не сдавался
В своей правоте.
И помнил всегда,
Что Владимир Ульянов
Перо журналиста
Держал в чистоте.
Так будьте, газетчики,
Только такими,
В «Европу» сердец
Прорубая окно.
Несите вперед
Журналистское имя,
Чтоб было, как солнышко,
Чистым оно!

РУКИ

Есть руки мужские
И женские руки.
Их помнят и дети родные,
и внуки.
Те руки
Любого из нас с колыбели
Вели за собой
Терпеливо до цели.
Есть руки,
Которые славят веками
И метко зовут
Золотыми руками.
Ладони тех рук
Украшают мозоли
И жмут они руку
При встрече до боли.
Но есть и другие.
Не руки, а лапы,
Которые лезут повсюду
нахрапом.
Спускаются с плеч
Эти руки, как змеи.
И нет их наглее,
И нет их грязнее...
О славные руки
Пещерного века!
Не вы ли
Создали трудом
Человека!
Не вы ли
От грубой древнейшей дубины
Дошли до ракет
И разумной машины!
И как тяжело
От сознания-муки,
Что есть еще
Праздные, грязные руки.
Им нет оправданья
И нет им прощенья,
Забывшим
Прямое свое назначенье.

Валерий ГОРДЕЕВ

СЫН РОССИИ

Я к тебе вернулся
Из барханов дальних,
Я устал от Юга,
Не нужны мне пальмы.
По траве зеленой,
По сосновым шишкам
Я хочу затопать
Снова, как мальчишка.
И обнять березки
(Их не видел сколько!).
Вместе с ними рос я,
Вспоминал их с болью...
Я брожу по лесу,
Вспоминая встречи,
Внемлю русской песне,
Соловьям у речки.
Я дышу Россией,
Русскою природой.
Потому что сын я
Русского народа!

Я ТЕБЕ ПОДАРЮ

Я тебе подарю зарю.
И закат тебе подарю,
Подарю тебе песнь мою
И тумана кувшин подарю,
Если хочешь, с ладони
в ладонь,
Как искрящиеся огоньки,
Буду сыпать под тихий звон
Звезд алмазные пятаки.
Эти звезды тебе я дарю
И бессмертье, и белые скалы.
Я достану цветок тебе алый,
Если жив я останусь в бою.

Валерий **ПЕРВОВ**

ЗДЕСЬ МОЯ ЮНОСТЬ

Я иду молодой и сильный
В спецовке с эмблемой ДААЗа.
Я иду — человек России,
Сын рабочего класса.
Я иду молодой и гордый
По заводу труда и песни.
Ты растешь, мой завод любимый,
И с тобою расту я вместе!
Помню дни, когда только краны
Руки-стрелы тянули к небу...
Помню, первые котлованы,
Ничего здесь тогда еще не было...
Помню, дни неудач и радость,
Если вдруг получалось дело.
Это там, в необжитых еще цехах,
Комсомольская юность зрела!

Виктор **ОДИНОКОВ**

ЛИРИЧЕСКОЕ

Расцветает цветок и вянет.
Выпадает снег и тает.
Бывает, приходит любовь
и уходит.
Человек теряет и что-то
находит.
Все события сложены
в память:
Удачи, горе, пламя костров.
Не может в памяти снег
растаять,
Не может забыться любовь.
Когда становится трудно,
Когда на душе тяжело,
Мы просим заветную память,
Чтоб подарила тепло.

Валентина **КУЛИКОВА**

МЫ—УПОРНЫЕ

Встают на пути нам скалы,
Нам горы встают на пути.
Снега, ледники и обвалы
Мешают нам к цели идти.
Но мы упрямо шагаем
Вперед все и только вперед.
Шагаем и твердо мы знаем:
Упорный до цели дойдет.
Богата наша планета,
Но прячет богатства свои.
Алмазы и золото где-то
Хоронит в глубинах земли.
Но мы упрямо шагаем
Вперед все и только вперед.
Шагаем и твердо мы знаем:
Богатства упорный найдет.
Звезды и даже планеты
Мерцают от нас далеко.
И знают и внуки, и деды:
Добраться до них нелегко.
Но мы упрямо шагаем
Вперед все и только вперед.
Шагаем и твердо мы знаем:
Упорный до цели дойдет.

Николай **СИДОРОВ**

Я—РАБОЧИЙ

Я — рабочий!
Есть в работе сласть.
Сердцем вдоволь можно
                    пропотеться.
«Легче,— скажут,— в бане пар
                    поддать
Или же на солнышке погреться...»
Я — создатель!
Ценность создаю.
Тонкость рук — контроль мой и
                    свидетель.
«На какую хвалишься статью?
Объявился,— скажут,—
                    благодетель».
Здесь не цирк, кривляться не к
                    лицу.
Славлю я труда авторитеты
И, как флаг, мозоли понесу —
Трудовых моих забот приметы.

Мария ФИЛИМОНОВА

ДАТЫ

Встречаю с весельем
Я красные даты.
За праздничный стол
Приглашаю гостей.
И песни пою
О героях-солдатах,
О самой прекрасной
Отчизне моей.
Я битвы кровавой
Вовек не видала,
Любимого друга
Война не взяла.
Но красные даты
Мне в память вписали
Бесстрашных героев
Большие дела.
Да, вспыхнув звездой,
Умирали герои,
Оставя горящий,
Негаснущий свет.
А красные даты
Остывшей их кровью
Мне в сердце навеки
Оставили след.

У ПАМЯТНИКА

Стоит на страже
сын Отчизны,
К груди прижал он
автомат,
И рвется крик
с души гранитной:
«Я был живой,
как ты, солдат!
Однажды было
то сраженье,
О чем поэт
свой стих сложил,
В одно сильнейшее
мгновенье
Рванули мы
с последних сил!
Такая ярость взбушевалась!
С позором враг
бежал назад.

А мне вот...
пуля повстречалась
И я остался здесь,
Вот так...
Чтоб этой пуле
не прорваться,
Я встал на память
здесь навек,
Чтоб мог ты
солнцу улыбаться
И жить всегда,
как человек!»
Стоит солдат
с душой гранитной,
С любовью в сердце
и в глазах,
С судьбой прекрасной
и завидной
Стоит он
на семи ветрах.

А ДНИ ИДУТ

Из века в век
традиция живая
Для женщины —
встречать и провожать.
Года и дни,
по памяти считая,
Она не перестанет ожидать.
Уходит сын,
решительный и строгий,
Расступятся все дали
перед ним,—
Она стоит
на краешке дороги
И машет вслед
платочком голубым.
Пусть нет войны —
ей все равно не спится,
И все равно душе
покоя нет.
И бьется сердце,
бьется сердце птицей,
И рвется, рвется
голубем вослед...
А дни идут —
то медленно, то быстро,
И встреча близко,
и лазурь ясней.
Все ярче в сердце
полыхают искры,
Чем ближе встречи,
тем тоска сильней.

Яков МУЛЯРЧИК

К ВОЖДЮ

Днем и ночью,
При любой погоде,
В дождь, жару,
В пургу, мороз,
Устремляется
Людское половодье
В город,
Где родился он и рос.
Все здесь людям
Дорого и близко.
Память сердца
Вновь перелистав,
Ленинцы проходят
По Симбирску,
По священным
Ленинским местам.
Где гранит шлифует
Ветер вольный,
Где под солнцем высится Венец,
К Ильичу,
Стоящему над Волгой,
Миллионы тянутся
Сердец.
...Город его детства.
Сыну Волги
Мужество веков
Передалось.
Здесь России
Зарождалась вольность,
Ленина бессмертье
родилось.
Сердце, тише.
Погаси тревогу.
Вот ведь он!—
Живой, усталый чуть.
С Лениным
Мы начали дорогу,
С Лениным
Мы продолжаем путь.

НАШ ЗАКОН

История знает немало
Законов минувших
                    времен.
Но только у нас
                    зазвучало

По-новому слово Закон.
В Законе Советской
державы
Священная запись
навек:
На труд и на подвиги
право
Свободный обрел
человек —
Растить на полях
урожаи,
Дворцы возводить,
города,
На мирной земле
утверждая,
Великую радость труда!
В краю возрожденном,
свободном,
Где люди живут и
творят,
Над матушкой-Волгой
сегодня
Счастливые песни
звучат.
В дерзаниях мы
неустанны,
Подвластна нам космоса
высь,
Открывши небесные
тайны,
Мы к звездным мирам
поднялись.

Фарид КАРИМОВ

ОТЧИЗНЕ

Стоят березы, как невесты:
Одеты в иней, как жемчуг.
Люблю я Родины просторы
И светлый, озаренный путь.
Отчизна ты моя, прекрасна!
Цвети и крепни все сильней.
И Мир держи в своих объятьях
Для счастья — блага всех
людей.

Вас. КОРОБКОВ

ВЕЛИКИЙ СИМВОЛ ОКТЯБРЯ

Взошла заря,
Заря свободы
И разгорелась ясным днем.
Борьбы
Неистовые годы
Навечно отразились в нем.
Живу без всякого укора.
И часто снится в мирных снах
России
Грозная «Аврора»
От залпа —
В огненных волнах.
Давно ждала Россия
Залпа.
И в октябре
На весь наш мир
Он грянул,
Содрогнулись Альпы
И вздрогнул ледяной Памир.
И класс рабочий,
Словно пламя,
Сжигая царский пьедестал,
Пошел
Под Ленинское знамя,
Как с гор
Расплавленный металл.
И в эти дни
По всей России,
Не растеряв кипенья жар,
Рабочий класс
Под небом синим
Зажег строительства пожар.
А на Неве стоит «Аврора»—
Великий символ Октября.
И крейсер в русские просторы
Навечно бросил якоря.

БЕССМЕРТИЕ

Нету меры,
Чтоб славу измерить.
Пусть не все до Берлина дошли,
Все равно научили нас верить
В нашу добрую сказку земли.
А бессмертие —
Вот оно, близко:
С боевым автоматом в руках
Воин Родины
Встал обелиском —
Светлой памятью на века.
Для того, чтобы все поколения
Впредь не слышали воя сирен,
В этот день в городах и селениях
На могилы приносят сирень.

ЕЛКА

Елку зеленую,
Елку колючую
Вновь нарядили
Не просто — по случаю.
Вновь нарядили
В честь Нового года.
Для хоровода.
Для хоровода.
Вся разукрашена,
Словно девица.
Словно корона
Доброй царицы.
Переливаясь
Ярким стеклом,
Елка сверкает
Цветным хрусталем.
Здравствуй, зеленая!
Здравствуй, колючая!
В праздничном зале
Лесом пахучая.
Снова детишкам
И мамам, и папам
Ты протянула
Хвойные лапы.
Снова под звуки
Волшебной гитары
Вместе с тобою
Кружатся пары.

Яков РОГАЧЕВ

МИРУ — МИР!

Была война...
Но час пробил желанный —
Смолк грохот пушек
И снарядов вой,
Герой-солдат
С победой долгожданной
Вернулся
В край любимый и родной.
Пусть вечно светит ярко
Солнце мая
И пусть звучит: «Победа!»,
Как набат.
Победы знамя выше поднимает
На стройках пятилетки
Наш солдат.
Он строит гидростанции
В Сибири,
Леса растит
И пашет целину.
И выше поднимая знамя мира,
Он говорит:
— Долой войну!

НАШ ГОРОД

Я смотрю восторженно на город,
На домов знакомых белизну.
Вижу и не старость, и не горе,—
Трудовую юность и весну.
Новостройки — фабрики, заводы...
Города родного не узнать.
Стали с Волги, с Камы пароходы
К нам по Черемшану приплывать.
Поднялись над гладью голубою
Светлые ДААЗа корпуса.
Целится высотною трубою
Автоспутник ВАЗа в небеса.
Не стареет наш любимый город,
Юности порывы в нем живы.
Он растет, идет упрямо в гору,
Озаренный звездами Москвы.

ХУДОЖНИК

На окошке
Пушистый иней,
В блеске
Чудные кружева.
Белых ниточек паутина...
Дед Мороз их нарисовал.
Но когда?
Может, прошлой ночью,
Может, утром,
Придя тайком?
На него мне хочется очень
Посмотреть: хоть одним глазком.

Анатолий ФАДЕЕВ

ЖЕНЩИНЕ

Без взгляда или слова твоего
Немыслимо мое существованье.
Ты—красоты зовущей
торжество,
Ты—хлеб и драгоценное
дыханье.
И разума тебе не занимать,
И добротой готова поделиться.
Безмерно рад я о тебе читать
Поэмы — жизни лучшие
страницы.
Любимая, ты — жизни
плоть и суть,
Родник неистощимый
вдохновенья.
К тебе я
в сердце бережно несу
Лучистое, как солнце,
уваженье.

ХЛЕБ

Хлеб шагает по планете,
Хлеб в сияньи золотом.
Пахнет солнцем, пахнет небом,
Мягким ветром и дождем.
Пахнет он соленым потом,
Пахнет плугом и землей,
Неустанною заботой,—
Пахнет радостью живой.
Пахнет светлою тревогой
И горячею мечтой.
Пахнет полевой дорогой,
Пахнет жизнью молодой.

ТВОРЦАМ ЗДОРОВЬЯ

Я был бедой жестокой ранен.
Счастливый мир тонул
в тумане.
Казалось, жизнь меня обманет
И отвернется навсегда.
И было жаль, что потеряю
Навеки все, о чем мечтаю,
Что знаю я и ощущаю,
Как пульс любимого труда.
Но в грозный час вы рядом
встали,
Нежней дыханья, крепче
стали,
Неутомимо штурмовали
Лихой беды девятый вал.
Не с тех ли памятных
мгновений
Я всей душою вам поверил,
И, как отравленного зверя,
Я горе к пропасти погнал.
И злые муки, и печали,
Ошеломленные, бежали,
Неотвратимо исчезали...
Я вместе с вами победил.
И вновь почувствовал,
как льется
Тепло живительного солнца,
И жизнь отрадно в сердце
бьется,
И полн я радости и сил.
И я запел в горниле буден
О вас, чей труд велик
и труден,
Кто злу назло творил и будет
Творить здоровье на земле.
Пою о людях благородных
И нужных, как пустыням
воды,
Стране родимой. Всем и мне.

ЛУЖА

—Ну, чем, скажите, я не море!—
Кричала лужа всем, кичась.
Но солнце выглянуло вскоре.
Так где же лужа?
Это ж грязь.

СЛАВА ПЕРЕДОВИКАМ

Все, что сердцу дорого и мило,
Озарилось теплым светом дня.
Снова жизнерадостному миру,
Словно другу, улыбаюсь я.
Серебрятся Черемшана воды,
А в сердцебиении моем —
Пульс неутомимого завода
И стремлений радостный
подъем.
На ДААЗ приходим
не от скуки.
Труд наш — песня звонкая
певца.
Слава вам, мозолистые руки
И трудолюбивые сердца!
Слава вам, идущим в самой
гуще
Вдохновенных, пламенных
забот,
Вам, кто в настоящем
и грядущем
По-коммунистически живет!
Трудовым дыханием согретый,
Наш завод ясней и веселей
Утверждает лучшие приметы
Всех заводов Родины своей.

МЕТЕЛИЦА

Идет-поет метелица.
И с самого утра
Все стелятся и стелятся
Ковры из серебра.
Красуются на улицах,
Сверкают на полях.
Причудливо рисуются
Узоры на коврах.
Смотрите, наряжаются
Березки, как на бал.
Весь край преображается,
Таким чудесным стал!
Не знаю, может, грежу я.
Но кажется мне: там
Вдаль Королева Снежная
Промчалась по полям.

Дмитрий ЛЕСКИН

ЗАВОДСКАЯ ТЕМА

Пружина сорвется с завода
В будильнике трелью звонка —
И тема прихлынет завода,
Как красная в жизни строка.
О, эта гудящая тема!
Я жить начинаю тобой,
Едва предрассветною тенью
Шагну за порог проходной.
Завод... Этой темой открытой,
В сплоченье минут и часов,
Наполнены слаженным ритмом
Громады твоих корпусов.
Она, эта тема, не только
Меня окрыляет с утра —
Какого высокого толка
Склоняются к ней мастера!
И с первым движением пресса,
С включеньем литейных машин
Нет темы для них интересней
И выше нет взлета души.
Страною отмечено это
Старание рук золотых —
Не раз эта тема воспета
Сияньем наград трудовых.
А темпы растут год от года.
Нам новые цели даны.
Вливается тема завода
В рабочую тему страны.
И сердцем припаян, как клеммой.
К заводу, я с ним заодно
Вхожу в эту верную тему,
Врастаю, как в землю зерно.

НЕ ЗОВИТЕ, ЖУРАВЛИ

Журавли летят, кричат.
Вся в крови рябина.
В сердце тонкая печаль,
словно паутина.
Мне бы взять да улететь
за кричащей стаей —
Может, в синей высоте
вся печаль растает.
Может быть, в краях чужих
в сытости и лени

Научусь, привыкну жить
я без сожалений.
Улыбаюсь невпопад.
Воздух свеж и розов.
Листья, словно звездопад,
сыпются с березы.
Не кричите, журавли,
не зовите, братцы,—
От своей родной земли
мне не оторваться.

Виктор РОГАЧЕВ

БЫЛИ БЫ ВОЛШЕБНИКИ...

Были бы волшебники
на свете,
И попал бы я в волшебный
лес,
Жизнь увидел
в розовом бы свете
И увидел множество чудес.
...Вижу изумрудные тропинки,
И цветы алеют на лугах,
Золотом сверкают паутинки,
Солнце-шар сияет в небесах.
В том лесу волшебном все
бывает...
Уезжая половцев громить,
Ладой Ярославну называя,
Князь клянется век ее любить.
Пары там влюбленные гуляют,
Над Гвидоном лебедь
пролетает,
Ходят, обнявшись,
Руслан с Людмилой,
И Онегин здесь с Татьяной
милой...
Были бы волшебники
на свете —
Мог бы я попасть
в волшебный лес...
Но и наяву страна в расцвете
И, как в сказке,
жизнь полна чудес.

Иван ПОЛАГУШИН

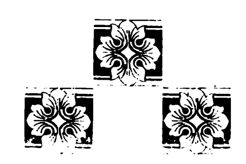

ДИМИТРОВГРАД

Димитровград растет громадой,
Над тихой речкой Черемшан...
И стал он гордостью живущих
В нем многих тысяч горожан.
Цветут сады. Сосняк, дубравы
И тополя, что встали в ряд...
Людской заботой повседневной
Димитровград стал город-сад.
Растут цеха и мощь заводов:
ДААЗ, «Химмаш», льнокомбинат...
Как символ славных дел рабочих
В расцвет страны наш
Скромный вклад.

РАДОСТЬ ТРУДА

Бурлит, как весны
половодье,
В субботник рабочий поток.
Сегодня на нашем заводе
Горит позывной огонек.
Как маки под солнцем,
колышатся
Девичьи косынки везде.
И голос ликующий
слышится
В большом
безвозмездном труде.
Здесь в пламени сердце
и руки,
И труд отдается сполна.
Работают Ленина внуки,
Чтоб ввысь поднималась
страна.

Татьяна КУВШИНОВА

ПОХОДНАЯ

Над рекою летний вечер
Тихо проплывет,
Выйдут звезды нам навстречу,
Плавно ял идет.
Словно крылья, над водою
Весла распластал:
С сонной, медленной водою
Берег убегал.
Мы плывем, а вечер синий
Замедляет бег.
Вы поверьте: нет красивей
Черемшана рек.
От луны бежит дорожка
По живой воде.
Ну, а мы взгрустнем
немножко,
Вспомним о костре.
С ялом, лесом и рекою
Расставаться жаль.
И поэтому — не скрою,
Вновь уходим вдаль.

Сергей ГАНИН

НЕ ПОЗАБЫТЬ

Пусть хоть тридцать лет
прошло,
Разве позабыть нам всех утрат,
С поля не вернувшихся солдат,
Сколько их на фронте полегло?
Матерям не позабыть сынов,
Что ушли Отчизну защищать.
Дети будут помнить про отцов
Только то, что рассказала мать.
И еще о том, как в грозный
год
Похоронка в дом пришла
скупая:
— Ваш отец погиб, закрыв
собою дзот,
Землю от фашистов защищая.
Может текст там был совсем
иной:
— Храбрым был, да пуля вдруг
скосила.
Верю, все равно отец—герой!
В вере этой грусть моя и сила.

Валентина БАШМАЧНИКОВА

ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ

И он зажегся
из сердец,
из памяти
людской,
и заалел,
затрепетал,
наполнился
тоской.
Фронтовики
стоят стеной
В молчаньи
долгом.
Кровавый пламень,
огневой
Друзей
напомнил.
Вокруг гранит,
а в нем — война,
Убитая,
живая...
Березы скорбно
шелестят
И плачет мать
седая.
Подходишь ближе
и кладешь
Цветы на камень
красный.
Как будто сердце
отдаешь,
Как будто душу
отдаешь
И долг святой
всем павшим.

Я в ладони росы наберу,
Хочешь, медом лесным напою?
Хочешь, этот пурпурный закат
Подарю тебе,— будешь ли рад?
Подарю сизокрылую мглу
И волшебную в ней тишину.
Слушай песни моей накал.
Ты такую еще не знавал.
И сиреневым утром в хмелю,
Может, сердце свое подарю.
Подарю тебе неба синь,
Если мало, возьми мою жизнь.

Анна МАРКЕЛОВА

СПИТ СЕСТРЕНКА

Спит моя сестренка,
Руки разбросав,
Золотые пряди
Волнами лежат.
Носик вздернут кверху,
Губы — маков цвет.
Спит малышка,
Горя ей
Не было и нет.
Сомкнуты ресницы
Черные, как смоль.
Спи,
И пусть приснится
Принц или король,
Золушка иль фея...
Мне-то все равно.
Лишь бы не солдаты
И не взрыв гранаты,
Только б не война...
Спи, моя родная,
Спи, моя краса.

БАБЬЕ ЛЕТО

Рыжее буйство,
Медный наряд.
Бабье лето пришло, говорят.
Бабье лето румянит листву
И колдует у всех на виду.
Все прозрачно и все
невесомо,
Все как будто привычно
и совсем незнакомо.
Воздух пахнет грибами
И рябина поспела,
Я от бабьего лета совсем
захмелела.

Павел СПИЧЕНКОВ

ЮНОСТЬ В ШИНЕЛИ

Синих гор вековая сутулость,
Кулаки придорожных камней...
Прошагала в шинели юность,
Та, что стала судьбой моей.
От реки, от могилы братской,
Где отцы непробудно спят,
Я ходил по дорогам
солдатским,
Вслед за песней былых солдат.
Мне навстречу вставали
рассветы,
В ночь звучало: «Подъем!
В ружье!»
Мне вручали родные конверты,
Долгожданное счастье мое.
Было все,— и девчат улыбки,
Дни труда и нелегких побед.
Было мужество, были ошибки,
В девятнадцать с немногим лет.
Не забыть мне тех дней
и ночей,
Тех дорог, где Карпаты
в тумане,
Где ходил — автомат на плече,
Комсомольский билет —
в кармане.

ВЕТЕРАНАМ

Пусть позади военная наука,
А вас другие трудности влекут,
Пусть вы при встрече крепко
жмете руку,
Не поднимая, как бывало,
к козырьку.
Давно пилотки поменяли кепки,
Но помните присяги грозный час.
Положено вам знать, всегда
и крепко,
Что сердце не уволено в запас.
Оно, как прежде, сердце ветерана,
И лишь виски в обильной седине.
И только ноют к непогоде раны,
Напоминая снова о войне.

Елизавета **ПАРФЕНОВА**

МОЯ РОССИЯ

Ты привольна и красива,
Ты богата и сильна,
Моя Родина — Россия,
Моя русская земля.
Хороши твои просторы,
Твои рощи и поля,
Твои реки и озера,
Твои горы и моря.
Словно солнце озарила
Ты, Россия, людям путь,
И с тобой, моя Россия,
Люди счастливей живут.
Свои взоры обращают
Люди всей земли к тебе,
Никого не оставляют
Люди русские в беде.
О тебе стихи слагают,
Песни звонкие поют,
Тебя в песнях прославляют,
Тебя матерью зовут.

ХЛЕБ

За обедом Яшин Глеб
бросил на пол с маслом
хлеб.
Наша няня тетя Галя
его строго наказала,
-- Ты запомни вот что,
Глеб,
не растет готовый хлеб.
Надо много потрудиться,
чтобы хлебу уродиться.
Надо сеять и пахать,
урожай надо собрать,
а потом обмолотить,
все провеять, просушить,
смолоть, мучку получить,
замесить, поставить в печь,
а в печи-то хлеб испечь.
Вот тогда лишь только,
Глеб,
привезут нам в садик хлеб.

Владимир ЛАЧИНОВ

ГЕРОИ С НАМИ

Их мало здесь,
на автоагрегатном,
С висками, тронутыми
седи**н**ой.
Они в победном
45-ом
Закончили свой подвиг
боевой.
Их было бы сейчас
намного больше...
Поднять бы тех, кто в тишине
могил,
Кто за родную Русь
И в братской Польше
В бою смертельном голову
сложил.
Поднять бы тех, кому сейчас
в Берлине
Приносят первые весенние
цветы.
Поднять бы тех, кто на полях
Румынии
Одет в холодный мрамор
и гранит.
Их с нами нет,
Но в каждом коллективе
Оформлены рабочие места.
Герои наши с нами и поныне,
Фронтовики, чьи святы имена.

Альбина САФРОНОВА

РОДИНЕ

Разве может быть утро
Без света зари,
Разве может быть ночь
Без ее темноты?
Разве может быть солнце
Без ярких лучей,
Разве может искриться
Засохший ручей?
Так и я без тебя
Миг прожить не могу,
Для меня ты — родник,
Из которого пью.

НЕ ДОПУСТИМ ВОЙНЫ!

Все с годами уходит,
Все с годами проходит.
Уплывает, как в речке вода.
Ну, а память?
— Память жива!
Жива в клеточке каждой,
Жива ночью и днем.
Эта память людская,
Что пылает огнем.
Это — лица ребят,
Что остались одни
В Ленинграде блокадном,
В дни суровой войны.
Это — мать, что поныне
Ждет сыночка в свой дом,
И стоит в ожиданьи
Под осенним дождем.
Люди помнят суровые
Годы войны...
Отпечатком печали
Они в семьях легли.
И поэтому звонок
Над планетой призыв:
— Не нужна нам война,
Бомб свистящих разрыв.
Кто там тянет
Кровавые руки свои?..
— Мы за Мир,
Мы за Счастье,
Не допустим войны!

ОСЕНЬ

Как в вальсе,
плавно и беззвучно
Кружится желтая листва.
И одуванчиком
взметнулись —
В просторе синем облака.
Ах, сколько прелести
в кленовых,
Резных,
расписанных листах
И в алых ягодах рябины,
И увядающих цветах!
Все и таинственно,
и просто:
Березок тонкие черты.
И паутинки так неброско
Шелками нежными легли.
...Вот птичий клин
Над лесом взвился.

Прощаясь, в воздухе
парит.
И где-то там,
у кромки неба,
Костер охотничий горит.

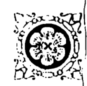
Петр ИВАНОВ

ЗАВОДСКИЕ ДЕВЧАТА

Еще не пели песен мы
Про заводских девчат,
Про тех, кто славно трудится,
Чьи голоса звенят.
Настанет день — девчата
В цеха свои спешат
И ласковой улыбкой
Пленят они ребят.
В труде девчата славятся
И в хоре все поют.
А от ребят — мы скажем —
Ни в чем не отстают.
Когда ж приходит смена,
Домой они спешат.
Ведь дел у них так много,
Не то, что у ребят.
Эх, жизнь бурлит, играет,
Как горная река!
Девчата заводские
Веселые всегда.

Татьяна СМИРНОВА

С ТОБОЙ И БЕЗ ТЕБЯ

Трудно бывает с тобой
и легко.
Горек и сладок
ты одновременно.
Близко сейчас мы—
и так далеко!
Можно ль постичь мне
твои перемены?
То ненавидя, то страстно
любя,
С тобой не могу быть...
и без тебя!

ДОЖДЬ

Кто я? Верно, озорница
И владелица причуд,
Даже в дождь угомониться
Ни за что я не хочу.

Частый, радостный
и сильный,
Удивительнейший дождь!
Но прозрачный он иль
синий —
Как узнаешь, как поймешь?

В восхищеньи замираю
И, забыв про все вокруг,
Я дождинки собираю
Теплые в ладони рук...

Злюсь и колюсь я, как ежи,
Других сбивая этим с толку.
Загадку просто разрешить:
Я так боюсь чужой иголки!

Как холодно! Просить
спасти —
Согреть, убрать повсюду
ложность?
Просить? Нет! Боже упаси!
Ты быть другим уже
не сможешь.
Кто ты такой? Живешь,
отжив.
Года твои считать не стоит.
От собственной подспудной
лжи
Горишь зажженной
берестою.
Смятенье чувств согнать
с лица
И в дверь стучать сигналом
Морзе?
Просить приюта у лжеца?
Уж лучше на ветру
замерзнуть!

От раздумий тяжких устаю.
Кажется, мечтаю
о безумье.
Жалят, жгут, покоя
не дают
Стаей потревоженной
из улья.
Вспохватившись, я гоню
их прочь
И стараюсь подвести итоги.
Как ни думай, сколько
ни пророчь —
Расстаемся. Нам
не по дороге.

Виктор МОНИН

НАРОДУ СЛАВА!

В кандалах и на каторгах гнил.
И немногим лишь больше полвека
Он эпоху свою создает,
Он шагнул от подземного штрека
До космических звездных широт.
Перекрыл все могучие реки,
Ввысь взметнул корпуса городов.
Породнился с одними навеки,
Откликается слабым на зов.
От гряды знаменитой Курильской
До лесистых Карпатских высот
На старинной земле, на российской
Проживает могучий народ.
Много бед и смертельных
волнений
Этот мудрый народ пережил.
И его непомеркнувший гений,
Плодотворную поступь народа
Я и видеть, и слышать привык,
И люблю все нежней год от года
Весь его многоликий язык.
Строит мир, обновляя природу,
Все подвластно ему одному.
Слава, слава родному народу!
Светит алое знамя ему.

ГОРДОСТЬ

Родной завод, цехов просторы.
Стоят станки за рядом ряд
И к «Жигулям» деталей горы
Штампуют, точат, воронят...
Идут изделия рекою
На сборку к опытным рукам,
И с маркой нашей заводскою
Бегут по всем материкам.
И где-то в Риге иль в Сибири,
За тыщи верст от мест родных
Твой труд блеснет в автомобиле,
В деталях светлых номерных.
Кольнет немножко что-то сердце,
И провожая взглядом в даль
Машину, скажешь: «Вон, на дверце
Моя красуется деталь!»

ПОД ЗНАМЕНЕМ ОКТЯБРЯ

Почти что шесть десятилетий
Под алым знаменем идем.
Мы все — России новой дети,
Ей честь и славу воздаем.
На стрежнях рек, в тайге
и в поле,
Под небом ясным, средь ночей
Идем мы к лучшей нашей доле
В тепле октябрьских лучей.
И нет на свете, в целом мире
Земли дороже и родней.
Поем на сценах и в квартирах
Мы песни Родины своей.
Все крепнет мощь родного края.
И мы живем, друзья, не зря.
Ведет нас партия родная
Дорогой светлой Октября.

Иван ЛЕБЕДЕВ

РУСЬ

Немало русская земля
Видала вражеских
набегов.
Ее туманные поля
Топтали кони печенегов.
Как стаи жадные ворон,
Сюда летели янычары,
Ведь на тебя со всех
сторон
Встарь градом сыпались
удары.
Опять вставали из руин
Деревни, стены
городские,
И снова гордый
славянин
Пахал поля свои родные.
В любых краях, везде,
когда
Мечи о бронь врагов
стучали,
То под конец войны
всегда
Фанфары в честь тебя
звучали.
Здесь пал суровый
печенег,
Хозар домой
не возвратился.
И буйных половцев
набег
Сюда навеки прекратился.
Сюда фашистская орда
За легкою добычей
мчалась.
Опять горели города,
И Волга кровью
наполнялась.
Но тоже смерть нашли
свою
В полях России
величавой.
И в жарком, праведном
бою
Ты победила вновь
со славой.
И никому Русь
не разбить
И на колени
не поставить.
Россия вечно будет
жить,
Себя трудом великим
славить.

ОТГРЕМЕЛИ ВОЕННЫЕ ГОДЫ...

Отгремели военные годы.
Снова всем хорошо
зажилось.
Но все помнятся людям
невзгоды,
Что в войну пережить
привелось.
Были дни испытаний
несладки.
Явь была, как кошмарные
сны.
И все ждут
старушонки-солдатки
Мужиков, не пришедших
с войны.
И моя вот соседка
под горкой,
Скоро целые тридцать
пять лет,
Засевает две грядки
махоркой,
Хоть и мужа давным-давно
нет.
К ней приходит старик
каждый вечер —
Мужа друг, их давнишний
сосед.
И выносит солдатка
при встрече
Ею вышитый в девках
кисет.
Вспоминает, как насмерть
стояли,
Как под Курском героем
муж стал,
Про солдат, что страну
отстояли,
Там, где плавился воском
металл...

Александра БЕЛОВА

О СЧАСТЬЕ

О, счастье, кто, скажи, из нас
В плену твоих сетей не побывал,
Тобою одержимый всякий раз,
Само же счастье так и не видал...
Назначила нам всем природа-мать
За синим горизонтом
мчаться вечно,
Рукой к нему тянуться
бесконечно,
Грядущее пытаться обогнать.
А если кто-то, выбившись из сил,
Заветную мечту осуществил,
Довольный, успокоился навек —
Пожалуй, это скучный человек.
Мечта о счастье всякому дана
И движет человечеством она.
Но все же ближе к счастью
только тот,
Кто вслед за ним бежать
не устает.

ЗАВОД

Чем измерить пройденный
десяток
Лет, бегущих к нам издалека.
Вспомните, по осени когда-то
Начинался бывший МЗКА.
Кульманы в бараках
на «Зеленом»,
В КВЦ теснился весь завод.
Первый дом,
жильцами заселенный.
Были и паденья, был и взлет.
10 лет — и вверх взметнулась
лихо
Белая плеяда корпусов.
Вспомните,
до нас здесь было тихо
Не звучало громких голосов.
Трудимся на благо человека.
Научились строить «Жигули»—
Чудо комфортабельного века.
Далеко за десять лет ушли.
Выстроен завод на Черемшане
Слава далеко о нем пошла.
Это ваши руки, заводчане,
Совершают добрые дела.

ЗДРАВСТВУЙ, МАМА!

Ты помнишь, мама, старший брат
пришел из армии когда-то.
Три года отслужил солдат.
Я знаю, как была ты рада.

Он со стены гитару взял,
спросил небрежно:
«Чья гитара?»—
и так «цыганочку» сыграл!

Шепнула ты: «Служил недаром».
Взлохматив русый чуб рукой:
«Сапер один раз умирает,—
сказал с усмешкою лихой,—

Но часто смерть он побеждает».
Вослед за старшим призван был
твой сын второй, потом и третий.
Один в погранвойсках служил,
другой служил в частях
«секретных».

Вернувшись, также со стены
Гитару бережно снимали,
звучаньем радостной струны
как будто договор скрепляли.

А сколько их по всей стране
светловолосых, темных, русых,
надежных в трудностях парней,
веселых, яростных, не трусов...

На Волге я, мы с ней дружны.
Родная, ты — на Енисее,
А между нами — полстраны,
как ты сказала бы, Расеи.

Нормально жизнь моя течет:
Работа, дом, друзья и книжки,
да пара дружная растет —
Такие славные мальчишки.

Надеюсь я, что подрастут
Из них хорошие ребята,
И нас с тобой не подведут,
Когда они пойдут в солдаты.

Им надо смелыми расти:
кругом бряцание оружья,
все может быть на их пути,
не всех устраивает дружба.

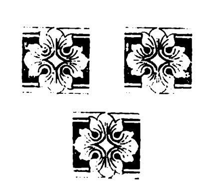
Иные мира не хотят,
Из НАТО взгляды шлют косые...
Но наши парни защитят
Тебя, меня и всю Россию.

НОВОМУ ГОДУ

Новогодняя ночь, стань
надежным причалом
Для людей, что утратили силу
в пути,
Для гонимых, заблудших и просто
усталых
Голубою надеждой и другом
приди.
Помоги обрести нелюбимым
забвенье,
А любимым — уверенность
в счастье своем,
К замолчавшим поэтам приди
вдохновеньем,
К детям ласковой сказкой войди
в каждый дом.
Прозвучавший вопрос не оставь
без ответа,
Обернись для бессоницы
радужным сном.
Завершись для Земли
безмятежным рассветом
И спокойным уверенным
завтрашним днем.

О СУПРУЖЕСТВЕ

Что такое супружество?
Сквозь печали и радости
Постоянное мужество
Перед силой и слабостью.
Что такое супружество?
Разных двух полюсов
Непростое содружество —
Кладезь роз и шипов.

Владислав СМИРНОВ

ОСЕЛ НА ВОЕВОДСТВЕ
(басня)

Беда,
когда Ослу доверят власть,
И, ею наслаждаясь всласть,
Осел попрет совсем не в те
ворота.
Для жителей лесов пришла
беда:
Назначен в лес Осел
инспектором труда
И, будучи Ослом совсем
не работящим,
Всех мерил по себе —
ползущих и парящих.
— Страховка где?!—
кричит Осел Орлу,—
Я без страховки в небо не пущу.
Вдруг разобьешься? Буду
я в ответе!
А посему указ такой:
«Сидеть в гнезде!
И в небо ни ногой!»
Увидел белку.
Полный рот орехов
Она несла к себе домой,
в дуплю.
— А ну немедля выплюнь,
а не то...
Ох, сколько здесь у вас в лесу
огрехов!
Но я их все искореню!
Пришел в уныные лес.
Ну а в Осла вселился бес.
Прослышал он,
Что Волк еду в зубах таскает
А зубы долго ль поломать?
Ослу ж придется отвечать,
Представ пред очи самого
Медведя...
И рыщет мой Осел по лесу,
Выискивая Серого тропу,
Чтобы указ свой зачитать
ему...
У жителей лесов теперь одна
надежда,
Что Волк, по серости своей,
Сваливши с плеч Овцу,
Туда Осла с указами
Забрюсит.

Раиса САИГИНА

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Первый снег. Он, небрежный
и милый,
Разбросал себя, где только мог.
Как-то радостно и торопливо
Он на голые холмики лег.
Беспокойных деревьев коснулся
И прилег на карнизах домов.
Город в белые туфли обулся,
Спрятал голову в шаль облаков.
Мне бы сразу идти на работу,
А я в лес, как на крыльях лечу,
Чтоб услышать березовый шепот,
Чтоб потрогать седую парчу.
Серп луны, подмигнул мне
лукаво,
И защиты у леса просил.
Чтобы солнце его ненароком
Растопить не смогло бы сполна,
Распустив свой осиновый локон,
Лес очнулся от крепкого сна.
И, раскинув широко ладони,
Я волшебные хлопья ловлю.
Первый снег, он, как светлая
песня,
И за это его я люблю.

Лидия СТЕПАНОВА

ДОБРОТА

В динамичный век наш,
В спешке будней
Мало места чувствам
Уделяем,
И о том, что мы
Все просто люди,
К сожаленью, часто
Забываем.
Люди, станем
Чуточку добрее
К тем, кто рядом,
К проходящим мимо.
Теплоты добавим
В наши взгляды,—
Это всем нам
Так необходимо!

ПАРАШЮТИСТ

Мы пускали парашюты —
Я, Андрюшка и Анюта.
Парашюты белые,
Парашютисты смелые —
Стойкие солдатики
На тоненьком канатике.
Я с шестого этажа
Вниз смотрю во все глаза
С нашего балкона —
Где же мой, зеленый,
Смелый, хоть бумажный,
Парашютист отважный?
Крутит ветер озорной
Парашют бумажный мой.
Но удачно приземлился.
На асфальте не разбился
Чемпион зеленый
По прыжкам с балкона.

БАБУШКА НАСТАСЬЯ

То-то было радости,
То-то было счастья,
Приезжала в гости
Бабушка Настасья.
Лучики-морщинки
Возле глаз светились,
Бабка по старинке
на угол крестилась,
Шаль свою снимала,
Клетчату, большую,
Внучку поднимала:
«Дай-ка, расцелую!»
Хлеб свежепеченый,
Мед, из тыквы семечки —
Гостинцы немудреные
Привозила девочке.
За вечерним чаем
Разговор начнется —
О делах вначале
И о чем придется,
Как в большой деревне
Всей родне живется —
Бабушкин напевный
говорочек льется.
А когда все в доме
Враз угомонится,

С бабушкой родною
Внучка спать ложится.
Гладя волосенки
Доброю рукою,
Бабушка девчонке
В сказки дверь откроет.
Явь в них или вымысел —
Внучке будут помниться,
А с годами смыслом
непростым наполнятся.
Сказки с былью свяжутся,
Сквозь года протянутся,
Внукам перескажутся,
Правнукам достанутся...
То-то было радости,
То-то было счастья,—
Приезжала в гости
Бабушка Настасья!

Прошу тебя, зима, от всей
души:
— Дай осени-сестричке
продержаться,
Последние деньки
покрасоваться
В ее прохладе звонкой
и тиши.
Поцарствовать еще
успеешь всласть
В холодном снежном
блеске и сияньи,
Великодушное сверши
благодеянье —
Умерь пока своей ты силы
власть.
Остановись, зима, и не
спеши,
Не засылай снежинок на
разведку,
Не рви последние листочки
С грустной ветки —
Они так трогательно
хороши.
Позволь побыть мне
с осенью моей,
В печали светлой вместе
с нею слиться,
Ее прозрачным воздухом
напиться,
Оставив в сердце прелесть
этих дней.

РАССКАЗЫ
МИНИАТЮРЫ
ЭТЮДЫ

 Яков РОГАЧЕВ

ЗЕМЛЯКИ

На Всероссийском съезде Советов во время одного из перерывов, Владимир Ильич шел по залу. Ему встретился высокий здоровяк в кожаной тужурке, с открытым простым лицом.

— Откуда, молодой человек, приехали?— поинтересовался Ленин.

— С вашей родины, Владимир Ильич, ответил делегат. Это был председатель Мелекесского Совдепа Яков Егорович Пискалов.

— Вот это прекрасно, просто здорово,— сказал Владимир Ильич.— Ну-ка, скажите, как вы там с контрреволюцией справляетесь?

Яков Егорович рассказал о делах в Мелекессе и окрестных селах, добавив, что рабочие и крестьяне дружно поддерживают Советскую власть. Об этом писала и «Правда».

— Уверен, что мелекесский пролетариат не подведет. Вон какой богатырь стоит передо мной. С таким народом мы обязательно победим,— сказал Владимир Ильич. Крепко пожав руку своему земляку-волжанину, он быстро ушел. Вождя революции и молодого Советского государства ждали важные, неотложные дела. А бывший слесарь, председатель Совета рабочих и крестьянских депутатов из-под Симбирска продолжал стоять, как вкопанный — одаренный улыбкой Ильича, ошеломленный встречей с вождем.

На съезде Пискалов был избран членом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. Но на всю жизнь запомнился съезд Якову Егоровичу другим. Воспоминания о встрече с вождем придавали ему силы и энергию, помогали преодолевать любые трудности.

СКРИПКА

В семье Абловых очень любили музыку. Главным инструментом была скрипка. Евгений Николаевич мастерски играл на ней. Овладеть этим чудесным инструментом он помог и младшему брату Виктору.

В часы отдыха братья брали в руки скрипки и играли дуэтом. Из-под смычков лилась чудесная музыка Бетховена, Чайковского, Баха...

Особенно вдохновенно играл Евгений. При этом глаза его горели, лицо озарялось каким-то волшебным светом.

— Это все пока не то,— озабоченно говорил Евгений Николаевич, делая паузу.— Но не тужи, Витюша. Придет новая жизнь, когда музыка займет свое настоящее место. Только эту жизнь надо еще завоевать, отстоять в тяжелой борьбе...

В этот вечер Евгений Николаевич долго не возвращался домой. Мать то и дело прижималась к темному окну. Ничего не было видно. Только выстрелы изредка нарушали вечернюю тишину и еще больше усиливали тревогу: «Не случилось ли что с Енюшкой»?

Только увидев среднего сына, шумно раздевающегося в прихожей, мать облегченно вздохнула.

— Намотался, аж ноги не держат,— проговорил Евгений, обращаясь к брату.— Давай-ка для разрядки сыграем что-нибудь, скоро опять за мной придут...

Виктор подал скрипку, взял свою. Зазвучал полонез Огиньского. Но в это время в комнату ворвался связной Совета, расстроенный и возбужденный.

— Пулеметчики и минеры наткнулись на винный погреб... перепились...— прокричал он. Евгений Николаевич, конечно, не мог предполагать, что тревога была не совсем оправданной. Позже выяснилось, что напился только один пулеметчик, анархист по прозвищу Митюха. А в момент прихода связного Аблов был сильно разгневан. В порыве негодования он высоко поднял скрипку и с силой бросил ее: «Отыгрались!».

Схватив револьвер и гранаты, Евгений Николаевич выбежал из комнаты. На полу осталась лежать искалеченная, навеки умолкшая скрипка.

В этот вечер дуэт братьев Абловых прозвучал в последний раз. Вскоре Евгения Николаевича не стало. А младший Аблов берег свою скрипку как память о погибшем брате, и много лет спустя, в памятном сорок пятом, дошел с ней до Берлина.

СЛУЧАЙ В ПОЛЕ

Прибыв в мае 1919 года в Мелекесс — уездный городок Самарской губернии — с агитпоездом «Октябрьская революция», Михаил Иванович Калинин постоянно находился в гуще народных масс. Он встретился с мельничными рабочими и железнодорожниками, выступил с балкона Народного дома и на собрании коммунистов.

Всесоюзный староста получил ряд жалоб, просьб и вопросов от крестьян соседней, Новомайнской волости. И в сопровождении руководителей уезда он выехал в Новую Майну.

Беседуя с крестьянами, Михаил Иванович подробно разобрался с жалобами. Большинство жалоб и просьб было решено положительно. Об этом свидетельствует краткая запись речи председателя ВЦИК, сделанная в Новой Майне и хранящаяся в областном краеведческом музее.

Решив неотложные дела в волисполкоме, Михаил Иванович попросил:

— А теперь покажите мне ваши поля. Посмотрим, как вы на них хозяйничаете.

На ближайшее к селу поле Калинина сопровождала большая группа крестьян. Михаил Иванович расспрашивал их, как они обрабатывают землю, какими семенами засевают, давал советы.

— Советовать проще, а сами-то вы пахали когда-нибудь?— спросил один из присутствующих, пошушукавшись с соседями.

— И плуг отковать могу, и пахать приходилось,— спокойно ответил Михаил Иванович.

Под оживленные разговоры крестьян ему подогнали впряженных лошадей. Заранее кем-то разлаженный плуг непослушно выскакивал из борозды. Михаил Иванович, как и многие присутствующие, заметил это. Он попросил ключи, наладил плуг и спокойным движением тронул лошадей. За «пахарем из центра» ложились ровные пласты чернозема.

Кулаки и их подпевалы, решившие подшутить над Калининым, были посрамлены.

«Наша косточка, крестьянская»,— одобрительно говорили восхищенные крестьяне о Михаиле Ивановиче.

«И такая же наша, рабочая»,— не без гордости добавил председатель уездного исполкома Пискалов, сам много лет проработавший токарем и слесарем.

ПАРЕНЬ В БУДЕНОВКЕ

Александр Иванович, вернувшись с работы, стал собираться на вечер встречи трех поколений. «Надо привести в порядок мысли»,— подумал он И на него невольно нахлынули воспоминания.

...Это было во время войны. Однажды в тихий дом Ясновых ворвалось страшное горе. Почта принесла известие, что отец убит в бою.

Саша отчетливо помнит, как лежал на кровати отвернувшись лицом к стене. Слезы бежали у него по щекам, и он не вытирал их... Все Саше было безразлично, казалось, что все на земле утратило свой смысл.

Как же дальше жить парню, что ему делать, если все его мечты о будущем начинались с одной мысли: «Вот когда вернется отец»?

Саша думал о своей жизни, и ему на память пришел старый знакомый — паренек в краснозвездной буденовке, сдвинутой слегка набекрень. Этим товарищем был Павка Корчагин.

— Ну что, брат, плохо?— спросил он.

— Плохо,— ответил Саша и рассказал Павке обо всем, что мучило его. А Павка смотрел с книжной страницы добрыми, понимающими глазами.

«Если бы на моем месте был Павел Корчагин, он не опустил бы рук»,— подумалось тогда Саше.

Нет, после этого «разговора» ему не стало легче. Но он ясно понял, что должен делать. Если отец погибает в бою, его винтовку берет сын. А если сыну еще мало лет, чтобы взять винтовку, он может пойти на завод и своей работой помогать фронту.

И Александр пришел на механический завод. Правда, начальник отдела кадров не захотел с ним даже разговаривать — таким маленьким показался ему мальчуган. Но Саша рассказал обо всем, что привело его на завод, и паренька приняли. В первый год он не доставал до станка и ему сделали специальную подставку. Потом подрос, стал работать и учиться — сначала в школе рабочей молодежи, затем в институте...

Много событий произошло в жизни Александра Яснова с той памятной ночи. Но он никогда не забудет, как в эту ночь, в трудный час пришел на помощь верный товарищ — Павка Корчагин, пришел и помог найти дорогу в жизни.

 Валентина БАШМАЧНИКОВА

ИГРАЛИ МАЛЬЧИШКИ

Бой шел за сарай. Горстка бойцов, вспотевших, грязных, героически удерживала занятый рубеж. Окрест слышался треск автоматов, крики «Ура!», «За Родину!», «Бей фашистских гадов!». На гребне сарая победно развевалось кумачовое знамя.

Противник окружил сарай со всех сторон. К подножию его летели ручные гранаты, град пуль. Казалось, деревянные стены и стойкие защитники давно изрешечены. Лежат бойцы, обливаясь кровью, и некому перевязать их раны, и свои далеко.

Но враг нес большие потери. Вот один зажал голову рукой, другой схватился за живот, а третий в страхе повернул назад. Но остальные упорно сужали кольцо. Вот они уже ставят лестницу, чтобы сорвать алое полотнище и водрузить свой флаг — черную тряпку. Никто им не должен помешать, на крыше сарая тихо-тихо.

Но едва враги проникли туда, как завязалась рукопашная битва. Слышался шум борьбы, сдавленные вскрики, раздался чей-то вопль.

...А голубой купол неба был мирным, безоблачным. Майское солнце с какой-то щедрой радостью отдавало тепло земле. Взъерошенные воробьи устроили возню у лужи, купались и победно чирикали.

...На скамеечке, напротив сарая, сидел высокий седой мужчина. Он долго смотрел на игру мальчишек, и взгляд его оставался суровым, неподвижным. Когда он встал, на груди его тонко зазвенели ордена и медали. Опираясь на палку, мужчина медленно подошел к мальчишкам и сказал: «Ребята, заканчивайте войну. Сегодня День Победы». И, ссутулившись, пошел прочь, к центру города, откуда слышалась музыка духового оркестра, счастливый, многоголосый шум толпы. Шел май 1975-го.

БУКЕТ ТЮЛЬПАНОВ

Татьянка шла домой злая-презлая. Шла и плакала. «Совсем ребенок», по словам мамы, «знойная девчонка», по словам Олега,— Татьянка-то знала, кто она на самом деле: самый разнесчастный человек на свете.

Субботний вечер, которого она ждала с таким нетерпением, принес одни неприятности. Лучше бы его совсем не было. Еще за неделю ее лучшая подруга Наташа предупредила: «Мой день рождения будем отмечать одни — предки на юге. Одевайся сногсшибательно, мальчишки будут «хипповые».

Таня поняла с полуслова и сделала все как надо. В субботу вечером, покончив с прической и подведением глаз, она накинула на себя нежно-розовую гипюровую кофточку с модным рюшем. Розовое облачко заправила под серую расклешенную юбку, прищелкнула такими же серыми «платформами» и, довольная, прокомментировала: «Жизни нет!», что означало: вот какая я нарядная и красивая.

...В дверях ее встретила Наташа, вяло приняла поздравление и подарок, украдкой шепнула: «Олега нет. Остальные все тут».

«Остальных» Татьянка примерно знала. Встречалась, правда, с ними редко: в компаниях, на катке, в кино. Мальчишки они, действительно «хипповые», носили яркие рубашки, обтягивались моднейшими джинсами, слыли веселыми, остроумными и не признавали «старушку-любовь». Кажется, они были студентами.

Татьянке в них не нравилось одно: подвыпив, мальчики становились чересчур развязными. А если сказать по совести, то ей в их обществе было скучно. Олег, в которого была влюблена Наташа, казался ей высокомернее других. Поэтому в ответ на слова подруги, она буркнула: «Не придет — не велика потеря».

Наконец, Олег заявился, и веселье запестрело. Вихлялись в танцах до седьмого пота, ели, пили. Все как обычно.

Убирая посуду, Татьяна вспомнила, что приготовила Наташе сюрприз — несколько стихотворений Евтушенко из нового сборника. Так хотелось почитать ей именно сегодня. Хоть бы отлип Олег на минутку.

Сдернув фартук, она подошла к ним и громко сказала: «За стол! Всех за стол.— И тише полувопросом добавила:

— Стихи будем читать?..»

Олег небрежно потянулся: «Тоска зеленая, подожди до завтра. И чего ты суетишься, пичужка, посидела бы с кем-нибудь». И, прижмурясь, склонил голову Наташе на грудь. Прямо при ней.

Вот тогда Татьянка, уставшая от кухни, остроумия пьяных «мальчиков», хриплого голоса Высоцкого, оскорбленная за подругу, которая позволила Олегу играть с собой, тихо прошипела: «Змей ты. Дрянь! Думаешь не знаю, с кем на танцы ходишь, кроме Наташки? Расселся... хозяин. Забирай всех и мотайте отсюда».

Татьянка и не заметила, как голос ее сорвался в крик, а «хипповые» мальчики и девочки вытянули шеи. Опомнившись, она увидела черную смородную слезинку на щеке подруги (глаза Наташа красила густо) и сказала: «Мне пол здесь надо вымыть». А Наташа все смотрела на Татьянку и плакала. И все тоже смотрели на нее, как на заклятого врага.

— Жизни нет,— всхлипнула тогда Татьянка и выбежала вон. По улице она шла и давилась слезами. Да еще «платформы» жали и висели на ногах, как гири. После дождя стало сыро, и Татьянку знобило от холода в легкой кофточке. Чтобы согреться, она решила идти пешком.

От остановки за ней увязался высокий светловолосый парнишка ее возраста. Татьянка гнала его, а он говорил: «Вытрите слезы, тогда отстану».

— Тебя только недоставало,— думала она, глотая горькие комки. А парень все успокаивал: «Не плачьте. Не надо. Хотите цветов? Я мигом принесу букет тюльпанов. Знаете, какие они после дождя? Свежие, яркие... Как Вы».

Татьянка успокоилась, но только потому, что подошли к милиции. Дернула дверь и столкнулась со сторожем. «Милиционера мне!»— громко, чтобы слышал «тот», сказала она.

— Зачем тебе?— зевнул в ответ сторож. Шла бы ты домой.

— Меня зарежут, а вам все равно?— взъярилась Татьянка.

— Володя-то,— усмехнулся сторож,— это мой сосед. Хороший парень. За что на него обиделась?

— За надо,— рассердилась еще больше Татьянка, и уже напрямую пошла к своему дому.

Володя молча пружинил следом. Потом подождал, пока она хлопнула дверью. Через несколько минут Татьянка выглянула в совсем маленькую щелочку — его уже не было.

— Тоже мне,— почему-то с обидой произнесла она.— Букет тюльпанов.

...А наутро, когда Татьянка собиралась на работу, в дверь позвонили.

— Смотрю — лежат,— послышался голос женщины, убиравшей подъезд.— Ночные, не завяли еще, жалко выбрасывать.

— Ничего не понимаю,— загремел отец. А через минуту он держал перед дочерью огромный букет тюльпанов — ярко малиновых, желтых, вишневых, немыслимо прекрасных. Росные, душистые, с остатками вчерашнего дождя на твердых головках, они так и просились на стол.

И Татьянка принесла для них самую красивую вазу. Большую, прозрачного, светлого хрусталя. Охорашивая букет, она заметила внутри клочок бумаги. «Злой незнакомке»— прочитала Татьянка. «Как в светском обществе,— проворчал отец,— записка в цветах».

— Жизни нет,— сказала Татьянка и засмеялась.

Раиса ДЕНИСОВА

ЗОЛОТЫЕ КОЛОСЬЯ

...Девчонка жадно посматривала на четвертинку ржаного хлеба. Очень хотелось есть. Она спрятала его за пазуху, чтобы не поддаться соблазну, и торопливо зашагала к дому, где ее ждала мать и еще несколько ребятишек.

Боль за ту незнакомую голодную девчонку отголоском военных лет живет во мне особенно в те минуты, когда видишь, как щедро разбрасываются у нас народным достоянием — хлебом.

Чувство горечи вызвал эпизод, когда в один из обеденных перерывов «дружная» компания набрала столько хлеба на свои подносы, что съесть не решилась, а возвратить на раздачу сочла неудобным. Был «выброшен» труд сотен людей! И этот случай не единичный.

Да, наша страна -- страна богатая, хлебная. У нас дешевый хлеб, но дешево ли он достается? Задумайтесь, ведь буханка хлеба впитала в себя не только труд хлебороба, но и труд шахтера, металлурга, конструктора— всего рабочего класса. Отчего же такое расточительство? Почему так неумело прививаем мы такое качество как бережное отношение к народному добру?

«Дума о хлебе». Нельзя без волнения читать это раздумье дважды Героя Социалистического труда, бригадира тракторной бригады А. В. Гиталова. Оно взволновало сотни людей. Как делегат форума коммунистов, тов. Гиталов выступил на XXV съезде, где вновь красной нитью проводит мысль о труде множества людей, выращивающих хлеб.

...Какое это прекрасное зрелище — пшеничное поле. Море золотых, едва склоненных, налитых соком и солнцем, колосьев. Хлеб — это труд человеческих рук, это наше богатство и его надо беречь!

 Павел СПИЧЕНКОВ

У ПРИЧАЛА

Наш теплоход находился в столице Швеции Стокгольме. У причала собралось много народа. Здесь были старики, женщины, богатые и бедные (я судил по одежде). Вся эта толпа, задрав головы, рассматривала наш теплоход. С верхней палубы мне хорошо было видно, как через толпу с трудом пробивается, но не может пройти мальчик лет девяти с огромным ящиком на ремне через плечо. Хотел ли он чего-то продать, или просто посмотреть на теплоход, не знаю. Я стал наблюдать за ним. Мальчик с трудом снял с плеча ящик и поставил на пол, видимо, хотел взобраться на него, но ящик угодил на ногу огромному верзиле с сигаретой. Пробормотав что-то, верзила сильно ударил мальчика по шее. Парнишка встал, не смея поднять глаза. Но, если бы и поднял, он увидел бы спину обидчика. Когда теплоход дал прощальный гудок, мальчик все-таки осмелился, взобрался на ящик и, растирая по лицу слезы левой рукой, правой размахивал, прощаясь с нами. Первый раз мне хотелось, чтобы теплоход постоял еще. Ведь мальчик не успел рассмотреть его.

...От причала уже все разошлись, а он стоял один на просторе и уже обеими руками махал вслед уходящему теплоходу.

ТЕЛЕФОНОГРАММА

(новелла)

— Добрый день!...

— Здравствуйте, Валентина...

— Не началась?

На приветствия и вопросы сотрудников отвечала миловидная секретарь-машинистка, которую все называли просто Валентина.

Наконец, в приемной стихло. Дверь в кабинет начальника закрылась. Шла очередная оперативка.

Секретарь занялась привычным делом. Надо было срочно отобрать бумаги, поступившие вечером, чтобы после оперативки отнести их на просмотр и подпись начальнику будущего предприятия Константину Борисовичу. Она деловито открыла папку. И тут раздался звонок. Продолжая раскладывать документы, Валентина положила трубку телефона на плечико, и, прижав ее подбородком, как это делают скрипачи со своим инструментом, ответила:

— Приемная, слушаю.

— Отдел строящегося комплекса?— спросил едва дрожащий женский голос.

— Да! Да!— подтвердила секретарь.

— Скажите,— голос на секунду замер, потом добродушно-доверчиво спросил:— У вас есть чувство юмора?

Обычно находчивая, секретарь молчала, не зная, то ли положить трубку и прервать столь странно начавшийся разговор, то ли вспомнить, есть ли у нее чувство юмора. Припоминая, она неуверенно ответила:

— Е-есть, конечно.

— Тогда,— продолжал женский голос,— я прошу вас принять телефонограмму.

— Текст короткий: «Да, я вас люблю»,— продиктовал голос и замер.

— Ничего себе!— сорвалось у секретарши. И, не скрывая удивления и любопытства, Валентина спросила:

— А кому телефонограмма?

— Тот, кому она адресована, должен догадаться сам,— ответила женщина.

— Но у нас в отделе около ста мужчин! Как же я буду их знакомить с таким текстом?

— Может быть, телефонограмму вывесить на месте «Молнии»? А чтобы легче было догадаться, кто адресат, поставьте мои инициалы: Л. П.,— поразмыслив предложила незнакомка.— Я уезжаю сегодня, и важно, чтобы он знал ответ...

Валентина еще несколько минут держала трубку в руке прислушиваясь к гудкам, похожим на многоточия.

— Я не согласен с таким проектом,— выходя первым из кабинета начальника, говорил инженер своему коллеге,— хотя доводы технолога резонны...

— Завтра начнем монтаж оборудования...

Валентина ловила обрывки фраз, которыми всегда наполнялась приемная после оперативки. Сегодня она изучающе поглядывала на сотрудников, думая, кому же из них адресованы строки признания. Женское любопытство донимало ее.

Последним вышел Константин Борисович.

— Документы готовы?— спросил он, и, не дожидаясь ответа, продолжил:

— Положите их ко мне на стол. Я в СМУ, вернусь через час.

После обеденного перерыва добрая половина работающих в отделе женщин уже знала о таинственной телефонограмме, но мало кто решался посоветовать секретарше, как поступить.

— Может, действительно, текст вывесить?— неуверенно сказала яркая, с красиво разбросанными кольцами волос на плечах, сотрудница.

— Да, только...— женщина замялась.— Несерьезно все это! Ведь у нас организация какая?!— И она многозначительно вскинула брови.

Так и осталась телефонограмма лежать на столе у секретаря.

Вскоре возвратился Константин Борисович. День вошел в свою обычную колею. Только при каждом появлении кого-либо из сотрудников в приемной Валентина начинала волноваться и, многозначительно поглядывая на телефонограмму, заводить разговор издалека. Но никто не понимал ее. Лишь Евгений Васильевич, давно ухаживающий за секретаршей, воспринял непонятный разговор как намек — не терять надежды на взаимность.

«Нет,— подумала Валентина.— Из наших мужчин, пожалуй, никто к этому не причастен».

За окном опускались сумерки.

«Так и уехала знакомая незнакомка,— подумала Валентина.— История... В кино только такое бывает».

Ее мысли прервал Константин Борисович. Он вышел из кабинета.

— Вы еще не ушли. Вот и отлично, сказал он, устало глядя на секретаря.— Завтра с утра пригласите ко мне конструкторов. Как обычно, к девяти.— Он прошелся по небольшой приемной, скользнул взглядом поверх стола, невзначай пробежал текст телефонограммы и неодобрительно покачал головой.

— Все забавляетесь? Одни песенки на уме,— сказал Константин Борисович, укоризненно показывая на листок.

— О деле надо думать в рабочее время!— добавил он строго, направляясь в кабинет. Щеки Валентины вспыхнули маковым цветом.

— Не песня это,— виновато ответила она.— Телефонограмма.— И я ни при чем, что нашим сотрудникам такие тексты передают.

Константин Борисович задержался в дверях, выслушивая торопливую, сбивчивую от волнения речь секретаря, которая старалась восстановить цепочку утреннего разговора с незнакомкой...

А инициалы верные?— вдруг недоверчиво спросил Константин Борисович, вглядываясь в буквы.

— Конечно, не могла же я выдумать,— с обидой в голосе произнесла секретарь.

Константин Борисович взглянул на часы. Стрелки торопливо двигались к семи.

— Сейчас должен зайти главный инженер, но меня нет. Я еду на вокзал. Понимаете?

Валентина, кажется, начинала понимать...

На ходу одевая пальто, Константин Борисович укоризненно произнес:

— Что же вы так?

И уже перед самой дверью добавил:

— Впредь телефонограммы на самом видном месте вывешивайте...

— Хорошо,— виновато улыбаясь, согласилась секретарь и лицо ее просветлело.

 Виктор ДРАНИЧНИКОВ

И ГОРИТ ЗОЛОТОМ ОСЕНЬ

Люблю охоту и охотников. В большинстве своем это люди, хорошо знающие жизнь природы, окрестные места: поля, леса, озера, болота, реки со всеми их обитателями. Именно у природы черпали яркость красок и выразительность многие русские писатели.

Действительно, отвлекитесь от повседневных дел и посмотрите, как красивы наши леса. А если вы еще и охотник! Уверяю, что один день, проведенный с охотниками, даст вам возможность узнать о природе больше, чем обычное созерцание. В этом я и сам убедился: иначе — острее, глубже, более впечатляюще — воспринимаются и ветер, и крики чаек, и клев рыбы, и шелест листвы, тронутой осенними красками. Все сливается в одну целую картину. И все горит осенним золотом. Хорошо в лесу... Ярким цветом манит переспевшая ягода; наберешь горсть и, словно вздохнул дурманящий запах всех трав. Плохо, что не различаю четко пока голоса птиц. Узнаю лишь тонкий острый свист синиц, гортанные, тревожные переклики сорок.

На охоту я выбрался со своим другом, Валерием. Поехали на Мочалиху, это недалеко. На месте прислушиваемся, а кругом творится неописуемое: токуют тетерева, надрывается перепелка, доносится заливистая песня соловья. И так прекрасно среди этого, любовно озвученного, осеннего царства.

Правда, охота обманула. На зорьке подстрелили лишь одного селезня с коричневой перламутровой шейкой. Потом решили отдохнуть. На берегу речки разложили костер. Валерий подкладывал в жадный огонь сучья, какие-то доски, сухую траву, горящую с потрескиванием и выбрасывающую в темную синеву сотни горящих искр.

К утру потянуло прохладой, мы даже немного продрогли. Утренняя охота не шла. Стреляли бестолку, и все из-за резиновых чучел. И лишь когда мы, наконец, отчалили домой, произошло неожиданное. Впереди появились две кряквы, они шли над кромкой берега, потом, невесть с чего, повернули прямо на нас. Я прицелился, нажал на спусковой крючок, но забыл о предохранителе. Птицы метнулись в сторону, я выстрелил наугад... Чуда не произошло, но с того времени вошла в мою жизнь сильнейшая страсть к охоте.

 Валентина БОЛОТОВА

ДОЖДЬ

Идет дождь. Пахнет прелыми листьями. Сильный ветер срывает их с деревьев. Все вокруг промокло и оголилось. Даже дома кажутся осиротевшими. В городе — осень, и мне опять не спится. Под мерную дробь капель, похожую на перестук поезда, хорошо думается.

Я люблю такой дождь. Он напоминает мне о чем-то родном. Улица, окутанная в сетку дождя, кажется мерцающим царством. Колыхаясь на ветру, блестят желтые листья. В лужах отражаются желтыми улыбками огней многочисленные окна. Блестят крыши домов, асфальт. Кажется, что сама ночь промокла от этого удивительного дождя.

Земля, деревья, дома — все вспоминают о солнце, а я — о тебе. Ты далеко-далеко... Вообще-то стараюсь не думать о тебе. Но сейчас в городе— дождь. И пусть он подольше не кончается.

ВСТРЕЧА

Борис вышел из огромных, с зеркальными стеклами дверей института, и все голоса разом отрезало. Он оказался один на один с улицей. Звездное небо, опустившееся над городом, дохнуло на него пахуче и влажно.

Глубоко вздохнул. Только сейчас почувствовал, как он устал. Веки были тяжелыми, будто налитые ртутью, а голова — огромная и звенящая. Сегодня Борис целый день был не в настоении: что-то не ладилось с чертежами, пришлось даже задержаться после работы. Сказывалась усталость от просиживания над книгами до утра. Еще шеф «обрадовал», сообщив, что отпуск опять откладывается. На все мольбы и угрозы Бориса он только проговорил уставшим голосом: «Пойми, старина, сроки не ждут, а работы!..» «Я-то все понимаю,— подумал в тот момент Борис,— а вот поймет ли Людмила?»

Уже неделю его жена готовилась к туристскому походу. В прихожей наполовину набитыми стояли два зеленых рюкзака, а на вешалке висели альпинистские штормовки. Они с женой любили в выходные дни побродить с рюкзаками в лесу, а в отпуск всегда уезжали в горы. Привычка эта сложилась еще в студенческие годы. Верные ей, они и через несколько лет, прошедших после окончания института, на удивленные возгласы родных: «Одумайтесь!», «Жили бы строже!», смеясь, отвечали: «В горах наши сердца».

Борис медленно подошел к остановке. Стоял долго. Несмотря на поздний час, город не спал: проносились автомобили, лихо поворачивая на перекрестках. В сквере, на сырых скамейках сидели влюбленные.

Автобус подошел совсем пустой, но по-ночному светлый. Кроме кондукторши, дремавшей в углу, в салоне сидели юноша и девушка. Борис не стал проходить вперед, чтобы не привлекать внимания. Сел позади их. Ему хорошо был виден профиль девушки: летящая к виску бровь и грустный глаз в густых ресницах, из-под шапочки падали волной пушистые волосы. До Бориса донесся ее голос:

— Знаешь, я не люблю фонари. Они всегда мешают нам. Да?

— Нет...— голос юноши прервался от нежности.— Они хорошие мои друзья. Не было бы их, я не смог бы видеть огоньки в твоих глазах. Ты не замерзла?

Девушка молча повернула к нему лицо. В ее глазах смеялись и плыли отражения фонарей.

Тихий разговор отвлек Бориса от невеселых мыслей. Глядя на юношу и девушку, он отдыхал от той постоянной суеты, царящей на работе, на улице. Он угадывал в них свою прежнюю привычку прятаться поздно вечером в автобусе от дождя, густого снегопада, от людей.

Автобус ехал мимо молчаливых домов, высоких дощатых заборов, подъемных кранов. Он на мгновение задерживался на остановках, но в него никто не садился. Город засыпал.

Как ни старался Борис в прихожей не шуметь, Людмила проснулась.

— Это ты, Борис?— и замолчала. Борис чувствовал, что молчание натянуто, жене хочется узнать, где он пропадал. Борис не торопился с разговором. Молча вошел в комнату.

— Ты за квартиру заплатил?— тихо спросила она и, немного помедлив:

— Да, кстати, где ты был?

— Ходил на свидание со своей юностью,— серьезно сказал Борис, снимая пиджак. Людмила недоуменно подняла на него глаза.

Да, да, Люда, со своей юностью.

Виктор РОГАЧЕВ

ЧУДО

«Вечно черт-те что приснится»,— пробурчал заплетающимся языком Чижов: «Теперь вот Дед Мороз со Снегурочкой». Но Дед Мороз, стряхивая с Чижова сонное оцепенение, встряхнул его резко и поставил на ноги. «Где успел набраться?— спросил он строго,— еще шесть часов до Нового года». «Какое твое дело,— взвинтился Чижов. —Мороз — так морозь, а нечего допрашивать»,— и он попытался вырваться, ударив ногой по стоящему рядом мешку.

«Морозить не буду, а остудить малость не мешает»,— ответил дед, едва уловимым движением повернул Чижова в воздухе и бережно опустил в сугроб. Потом Снегурочка куда-то исчезла и вскоре появилась вместе с дружинниками. Дед Мороз приложил руку к шитой серебром шапке и представился: «Старшина милиции Соболев. Отведите гражданина в штаб, пусть в себя придет, а ближе к Новому году отпустите. А нам со Снегурочкой еще общественное поручение выполнять». И, взвалив на плечо мешок с подарками, Дед Мороз кивнул Снегурочке и зашагал к ближайшему дому.

Георгий ТУРКОВ

МУЖЕСТВО РЯДОВОГО

Осенью 1942 года в составе 371-й сибирской стрелковой дивизии на подходах к Ржеву, наш батальон атаковал противника в районе Харино-Бельково. Это был один из тех боев, которые назывались в ту пору боями местного значения. Техники в то время было еще маловато, да и артиллерийская поддержка оказалась слабой. Словом, в атаку батальон поднялся дружно, но был прижат к земле мощным фланговым пулеметным и минометным огнем. Атака захлебнулась, мы откатились назад в свои окопы. Огонь прекратился, не считая небольшой оружейной трескотни.

С досадой мы смотрели на эту «зону смерти», на которой остались навечно наши товарищи. Вдруг видим, один из лежавших на этой «ничейной» полосе, приподнялся и сел. Расстояние было до нас метров полтораста, и я без труда узнал в этом солдате рядового моей роты Николая Борисова. Через растегнутый ворот его гимнастерки проглядывали полосы матросской тельняшки, которую он носил в память о погибшем на войне сыне-моряке. Да, это был он. Я взял бинокль, чтобы разглядеть, чем он там занят и с ужасом увидел, как он осматривает оторванную осколком ногу... Затем без суеты наложил выше колена жгут. Я взглянул на солдат и понял, что не один я вижу все это, солдаты, до боли сжимая оружие, стиснув зубы и, как на старте, подавшись всем телом вперед, внимательно наблюдали эту невероятную сцену. Между тем Борисов достал из противогазной сумки бинты и забинтовал остаток ноги. На всем участке воцарилась тишина, солдаты следили за каждым движением этого человека.

Молчал и противник, которому так же, как и нам, видно было все происходящее. И если бы кто-либо из фашистов осмелился выстрелить в этого, теперь уже беззащитного, но гордого человека, батальон, не дожидаясь команды, выскочил бы из окопов, и уже тогда его не остановили бы ни огонь пулеметов, ни минометы.

Закончив перевязку, Борисов, так же неторопясь, свернул козью ножку, высек кресалом огонь, прикурил и ,глубоко затянувшись, пополз к своим окопам. «Откуда у этого простого человека столько воли, столько выдержки,— подумал я.— Наверное, он не захотел показывать боль перед врагом, убившим его сына». Каждым своим движеньем он показал презрение к смерти, к врагу, к боли, причиненной фашистами. Навстречу Борисову уже ползли два молодых рослых солдата, вот они взяли его под руки и потащили к окопам. И только здесь, когда враг уже не видел, как силы оставили героя, солдат, истекающий кровью, потерял сознание. Он был отправлен в санбат, лечился и сумел победить смерть, остался жить...

После непродолжительной артподготовки, батальон снова поднялся в атаку и, выбив немцев из траншеи, выполнил свою задачу. Как нам показалось тогда, что и огонь был уже не тот, да и немцы сопротивлялись не так уверенно. Так повлиял на нас простой и необычный поступок рядового Советской Армии.

